

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

1919 г.

№ 7.

Краснодарскому

ПРИКАЗ

РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

№ 143.

13 августа 1919 г.

Товарищи красноармейцы!

Действуя исключительно нечестными средствами, Деникин и деникивцы распространяют много подложных приказов за моей подписью. Цель этих приказов—затуманить головы подневольных солдат белой армии и обмануть вас, солдат Красной армии, внести смуту и раскол в вашу среду. Не сомневайтесь, что разумный воин без труда отличит деникинскую подделку от подлинного приказа Советской власти.

Для колеблющихся и сомневающихся сообщаю надежный признак: если приказ продиктован интересами рабочих и крестьян в их борьбе против помещиков.—стало-быть, приказ подлинный; если же приказ направлен на поддержку помещичьей жадности и буржуазных оарышей,—значит тут рука Деникина и его сообщников.

В частности, деникинцы за последнее время фабрикуют подложные приказы об отпусках красноармейцев и всячески подбивают красных бойцов требовать отпусков. Цель их ясна: сразу разредить ряды бойцов, ослабить нас и задушить.

Товарищи воины! Отпуск вам нужен всем, более того: нам нужно увольнение в запас—повесить винтовку на стену и жить в родной семье и работать в мирной обстановке на благо всему народу. Этот отпуск мы завоюем победой над деникинской помещичьей ордой.

Раздавнив гада, вернемся к мирному труду. В Ростов-на-Дону, куда Деникин перенес свой штаб, мы пойдем за отпусками, красные борцы!

Председатель Революционного Военного Совета Республики и Народный Комиссар по военным и морским делам.

Л. ТРОЦКИЙ.

„КРАСНОАРМЕЕЦ“

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

№ 7.

Август 1919 г.

№ 7.

КЛАССОВЫЙ ЗАКОН

рассказ С. Борковского.

1.

Их трое...

С приближением вечера толпа на Тверской увеличивалась.

В кафе прибывали все новые и новые посетители и бродили между столиками, отыскивая место.

Когда они вошли в кафе, после долгих поисков, у аквариума, где тупо и сонно плавали рыбки, в тени нашелся столик.

Накрашенные и разряженные женщины подходили, но сидевший в углу раздвигаясь бросал:

— Убирайтесь к чорту.

Струнный оркестр играл нежные и мелодичные твэнцы Брамса. Звуки плавали в дымном, пропитанном запахами духов и пудры зале и, порой, нежные переливы мелодий глохли в людском гуле и звоне посуды.

Тот, кто посылал подходивших женщин к чорту, посмотрел на часы.

— Скоро десять. Через полчаса придет.

Закуривая папиросу, медленно, словно думая вслух, сказал:

— Я тут больше не могу, не могу... Скоро бы уж.

Кинув подошедшему официанту — „кофе“, — протяжно зевнул.

Подали кофе.

Подошел высокий пожилой брюнет. В походке чувствовался военный.

— Вы уже здесь?

— Здравствуйте, полковник.

— Т-ш-ш... — Товарищ... ха-ха.

Тихо произнес:

— Княгиня вас будет ждать в двенадцать...

Садовая-Триумфальная, дом... До свиданья.

После его ухода разговор пошел оживленный. Слова были окрылены надеждами.

Надежды манили туда, туда...

Их трое.

2.

Особняк княгини со скромной вывеской „Уроки музыки и пения“ казался нежилым. Окна и дверь глухо закрыты железными шторами. Рядом с парадным ходом, в каменной ограде маленькая калитка, еле заметная за кустами акаций.

Подошли к калитке. Из зелени вынырнула закутанная в брезентовое пальто фигура.

— Пришли за нотами, — сказал условный пропуск один из трех.

Фигура скрылась в кусты. За калиткой шаги.

Окна и дверь черного хода закрыты железными шторами. Вошли в светлую прихожую, дверь захлопнулась, провизжала штора.

Гостинная, залитая светом электрических бра, отделялась гарусной партьерой от столовой, откуда неслись голоса.

Партьера раздвинулась, и просунулась коротко остриженная голова полковника.

— Пришли, господа?—Сейчас представлю княгине...

Полковник предупредительно раздвинул портьеру. Вошла княгиня.

Полковник почтительно склонил голову.

— Разрешите, ваше сиятельство, представить вам наших новых друзей.

Кивнула головой и села.

Полковник называл:

— Корнет Михайлов—дворянин, его отец—тамбовский помещик. Поручик Гусев—сын местного купца... Прапорщик Громов—студент...

После каждой фамилии полковник делал паузу, и тот, чья фамилия была названа, целовал тонкую красивую руку княгини.

— Наши новые друзья,—начал полковник,—горят желанием уйти к атаману... Они любят родину, и большевистский режим причинил много зла их родителям.

— Не говорите, полковник,—княгиня томоно вздохнула,—мы живем в такое ужасное время... такое ужасное время... Нас, людей культуры, дворян, создавших родину и ее мощь... Княгиня снова вздохнула...

— Вы знаете все, молодые люди... Как завидую я вам, что должна оставаться здесь, а не уехать на Дон, где так много наших.

— Ваше сиятельство,—наклонился к княгине полковник,—родна оценит вашу жертву, великую жертву! Близок час, когда мы освободим Россию от большевистского навождения.

— Теперь поздно, господа. Пожалуйста в кабинет, там вам мосье вице-консул даст деньги и документы.

Опираясь на руку полковника, княгиня ушла.

3.

Летняя ночь задернула небо серым пологом Москва спала.

Простучат шаги пешехода по плитам панели, прошумят шины лихача по мостовой, да дробь копыт, но тишина нерушимо хранит молчание города.

Они, трое, сидели на Тверском бульваре.

Громов с какой-то грустью и нежностью смотрел на темную колокольню Страстного

монастыря, врезывавшуюся черным клином в серое небо.

— Да, сегодня едем, наконец-то.

Слова Михайлова вырвали из мягких лап грусти, и Громов снова с прежней тоской подумал о том, что сегодня—ехать...

Небо бледнело, сумрак под деревьями таял. Памятник Пушкину вырос из тьмы... Там, за Страстным монастырем, бледная полоса разливалась по небу шире и шире. Как крупный бриллиант висела в небе Венера, с каждым мигом тускнея. Пушкин гордо высился на пьедестале, обрамленный полукругом густой зелени деревьев.

Небо за Страстным монастырем отливало тусклым багрянцем...

Вдали показались два белых пятна.

— Поймаем этих птичек,—предложил Гусев.

— Разве что на прощанье,—согласился Михайлов.

Женщины приближались.

— Ты не пойдешь,—спросили у оставшегося сидеть Громова.

— Нет, мне утром кое-что нужно.

Товарищи пошли, Громов поднялся и направился вниз по Тверской.

В Охотном ряду зеленщики возились у ларьков.

В сквере, у Большого театра, Громов опустился на скамейку, и снова в голове навойливо зароились мысли-сомненья, мысли-тревоги.

Наставало утро. Ясно

видна четверка на фронтоне Большого театра, перламутром отливает стеклянный колпак на громаде Метрополя. На колокольнях Китай-города ударили к ранней.

4.

Над Волгой клубились серые клочья тумана и гребни сонных волн отливали кровью зарп.

Пароход пристал к Царицынской пристани. На соседней пристани громко ругались.

— Отдай чалку, рыжий дьявол...

— Принимай... Принимай, окаянный...

Спавший у трубы на верхней палубе Михайлов встал и разбудил товарищей.

— Приехали. Вставайте...

— Разрешите, ваше сиятельство, представить...

Начали собирать вещи. Проснулись остальные пассажиры.

Огненный шар солнца всплывал над степью и от Волги тянуло бодрящей свежестью воды и запахами смолы от барж. Над водой, чуть касаясь белыми стилетами-крылами, носились чайки.

Через трап на палубу тянулась вереница пассажиров с узлами, корзинами. Партия красноармейцев толпилась у борта и чуть ли не все кричали.

— Взвздо-с-и. Дрыхнет еще...

Чайники еще были закрыты, и они бродили помягкой густой пылью базарной площади.

Под навесами каменных амбаров торговли расставляли корзины с белыми, еще дымившимися хлебами, сверкали, как рубины, горки помидор.

Накупив разной снеди, отправились через площадь к скверу у собора.

Город в ярком, утреннем свете казался скучным, покрытый пылью.

Кусая сочный помидор, Михайлов проговорил:

— Хорошо! Сегодня в Сарепту, а там нас переправят.

— Только осторожнее—попадемся,—предупредил Гусев.

— Ничего. У нас такие мандаты...

5.

Сбылось.

Казацкая застава чуть не открыла огонь.

— Свои! Свои! К вам идем!

Михайлов кричал, а внутри колотился страх. После тревожной ночи, когда приходилось ползти, рискуя наткнуться на красных, тут, у самой цели, готовились встретить метким залпом.

Трое, шедшие по степи, — безоружные, и казаки с любопытством смотрели.

Из заставы пошел навстречу казак.

— Вы кто такие будете? — подозрительно оглядывая, спросил.

— Мы к вам, офицеры, в вашу армию...

— Идемте.

На заставе их расспросил подхорунжий. Новенькие, блестящие погоны подхорунжего наполнили радостью и они долго трясли его руку.

Подхорунжий, угрюмый казак, — скуп на слова, смотрел на пришедших слегка насмешливо и приказал трем казакам отвести в станицу.

— Там вас направят, куда следует. Вас еще поверять будут, а то бывает, что красные агитаторов посылают под видом офицеров... До свидания.

Гусев не выдержал и спросил сопровождающих казаков:

— В станице лавки есть?

— Все есть...

— А погоны там можно достать?

— Погоны? Не купливали...

Шедший с боку казак криво усмехнулся.

— Погоны? Золотые? У нас им цена пустяковая...

Однако. Они тут... До конца Гусев не додумал.

6

Жизнь тусклая, будничная. То, что казалось таким заманчивым в Москве, здесь обыденно. Ничего яркого!

Батальон, где они, трое, служили, стоял в небольшой станице. Две роты поочередно ходили в сторожевку к железной дороге. За полотном—красные.

Ротой командовал Гусев, и между ним и его полуротным Громовым пошла с первых дней вражда глухая, непримиримая... То, что Громову казалось там, в Москве, святым и правым, было здесь смешным, нелепым среди остальных товарищей... И тупозубая тоска медленно и равнодушно грызла душу.

Утром, когда с полуротой шел в заставу, вызвал ротный.

— Прапорщик Громов! Мне надоела ваша маниловщина, перестаньте язык чесать о свободах каких-то. Эта сволочь,—указывая рукою за окно на солдат,—и так уж развинтилась. Из вашей полуроты несколько человек перебежало к красным, а все потому, что вы их не умеете зажать.

— Господин корнет, перебежали те, которых вы избили...

Громов повел полуроту.

Застава стояла в балке. Вверху солнце жгло степь, а внизу, в балке, сумрачно, сыро.

На носилках лежал корнет Гусев.

День догорел в крови заката, но вечер не принес пролады. В степи душно, нехватало воздуха, а раскаленная земля дышала зноем. С севера ползли тучи, вздохнул над степью прохладно ветер, мигнуло небо дальними гро-

зами, но в степи знали, что тучи не дадут дождя. Ползли тучи, вечер наливался синевой и белые взмахи зарниц раскалывали небо серебряными провалами.

Воробьиная ночь...

Из батальона пришел приказ:—сняться с заставы. Там, с запада, заходят красные.

Когда Громов привел полуроту, около хаты ротного толпились солдаты.

Весть о том, что ротного командира нашли исколотого штыками, никого не удивила...

Громов протискался к хате. На носилках лежал в изорванном и почерневшем от крови кителе поручик Гусев.

— Кто его?

На вопрос никто не ответил. Казак, стоявший рядом, злобно усмехнулся и пошел.

— Теперь ищи. Давно к красным утекали.

Громов обернулся.

— Кто?

— Митька да Чубук, конечно. Господин поручик, — указывая на носилки, — больно круты — чуть что и в морду. А теперь рази можно. Народ балованный...

7.

Батальон стоял в станице Подсолнечной.

По вечерам в хате батальонного собирались все офицеры и под звонкую гитару и песни пили вино. А когда восток алел, разбредались по хатам...

Казалось, что весело... Приближались красные, и часто в знойном молчании степи гремели выстрелы.

Утром Громова разбудил вестовой. Встал сонный и хмурым. После ночной попойки голова готова развалиться от боли. Вестовой несколько раз повторил, пока слова дошли до сознания.

Наскоро оделся и отправился к батальонному.

Батальонный сидел у окна в одном белье и, увидев Громова, закивал головой.

— Трещит? Ха-ха! У меня есть баночка, опрокиньте. Пользительно. Наши тут добычу поймали... Слова не вытянешь, — упираются. Знают каналы, что все равно... А здорово вы вчера с котиком схватились. Не помните... Ай, ай, не хорошо... Ну, ладно... Налелите этих молодцов земель и приходите... Ваша рота дежурная. Ну, так. Возьмите людей и кончайте.

Громов посмотрел за окно. Под конвоем стояло четыре красноармейца.

Тупозубая тоска снова вонзила в душу клыки.

— Слушаюсь, — хрипло бросил батальонному и, стараясь не видеть красноармейцев, побежал в роту.

Южная ночь приходит незаметно.

Прапорщику Громову врезалось в сознание

подергивание правой брови и правого угла рта, поднимавшегося кверху.

Когда казаки спешно зарывали трупы, а того зарыли последним, то он лежал и подергивал бровью и углом рта.

Бровь и уголок рта заслонили все. Порой они чудовищно вырастали, заслоняли небо, и Громову казалось, — это его бровь и уголок рта дергаются и нет сил остановить их.

Бросался лицом в подушку, но и тогда чувствовал, как бровь и уголок рта трутся о полотно наволочки.

Порой сознание раскалывалось, и тогда он стоял с ружьем против себя и долго целился в подергивающуюся бровь и угол рта.

И когда мысли сталкивались, Громов катался по кровати и с ужасом, раскрыв глаза, чувствовал, что в голове два сознания, одно знойное и жгучее, а другое — холодное, с приподнятой бровью и углом рта — сталкивались и в голове громоздились обломки, а над обломками, цепляясь, полз ужас...

Лоб покрывался холодным потом, зубы стучали, а другой слушал этот стук.

Кто-то зажег спичку и долго тряс.

— Громов! Какого чорта дрыхнете... Что с вами, фу-ты чорг... Господа смотрите, — как его колотит и глаза открыты.

Громов с трудом встал.

— За мной? — а зубы выбивали частую дробь.

— Это у него от жары, лихорадка... Идемте к батальонному, — водки целое море. Живо поправим.

8.

Утренней свежестью дышала степь. Седой малорос гнал медленных и ленивых волов, изредка покрикивая...

— Цоб, цоб, побе...

Пошатываясь, Громов направлялся к хате, не видел, как старик сорвал с головы остроконечную шляпу и проводил его недоуменным взглядом.

Войдя в хату, грузно опустился на табурет. Сзади кто-то вошел.

Громов повернул голову и тупо посмотрел на казачку Феню, что каждое утро носит молоко, и ничего не ответил на ее приветствие.

— Ой, барин, кто вам листы разбросал?

Феня нагнулась собирать рассыпанную бумагу. По спине сбегала змеей русая коса и рассыпались ленты бус. Громов упорно уставился на крепкие икры ног, выглядывавших из под белой рубахи.

Зноем ударило в голову, сжегло мысли, и как зверь он бросился на Феню... Что-то острое вонзилось в плечо, сбежалось на грудь тонкими теплыми струйками, и Громов захотел — сладостная и жгучая боль.

Порой, когда он катался по полу с Феней, сдавливало грудь, и дыхание вырывалось хрипло...

9.

Пылики дрожали в золотом луче, уставившемся сквозь окно в песчаный пол хаты и ползшем на стену.

Громов сидел на кровати. Под лучем солнца, на полу, горят самоцветными огнями рассыпанные бусы.

— Так это правда? — громко спросил он.

Никто не ответил. Только вновь, в углу, задергалась бровь и уголок рта.

— Ха ха. Перестанешь меня терзать...

Сорвал со стены ноган и долго целился в дергавшуюся бровь.

— Ага!

В грохоте и дыме потонули бровь, сознание, и Громов с залитой кровью правой половиной лица скатился с кровати.

10.

Шум, возня, выстрелы и смятение в столице улеглись.

Хозяевами столицы стали красные.

Батальон еще утром ушел на запад.

К той же хате, где был раньше командир батальона, красноармейцы вели корнета Михайлова. Погон один сорван, а другой болтался по плечу на зеленом шнурке.

В окно высунулся бородач.

— Что такое?

Красноармейцы загалдели.

— Тише. Не разобрать. Один кто-нибудь. Вперед вышел красноармеец.

— Товарищ комиссар! Вот, их благородие...

— Высокоблагородие, — поправил кто-то.

— Ну, не разобрал... Так вот он спал на чердаке, а наши его разбудили и к вам в гости ведем.

— Не валяйте дурака. Ведите ко мне.

Михайлов вошел в хату.

— Садитесь.

— Спасибо. На вопросы я отвечать не буду... Кончайте скорее

— Но, может-быть, вы скажете, почему вы против нас.

— Почему? Ха-ха. Какой назвный вопрос! За что вы воюете, а? За землю, за свободу, за лучшую жизнь? А мы по-своему понимаем лучшую жизнь... Каждому свое. Неужели нас, дворян, создавших государство, культуру, вы удовлетворите вашими бреднями о равенстве... Как могу я быть равен моему конюху или лакею... Что там... У вас свои законы, у нас тоже. Классовый закон! Выше вашего... Довольно. Расстреливайте!..

С. Борисов.

Мо ква,

23—VII—1919 г.

Туманная ночь.

Идем... Утѣмился, а улица черная
Слилася с душою... сроднилася со мной,
Мятежная воля, дорога просторная, —
Путь новый для жизни иной.

Идем... Мы идем... Море блуз раздувается
Железа удары.. удары в лицо...
Грохочет, скрежещет... Трещит, надрывается...
Железное рвется кольцо.

Вперед!.. Нет пощады, волна пролетарская!
Вперед за свободу железной волной;
Под красное знамя, под знамя бунтарское...
За Питер! Наш Питер!.. родной...

Завсды ревут... бьют набаты призывные,
Шипит, притаившись в углу, паразит;
Шагают стальные ряды коллективные,
Душа так мятежно горит...

И. В. Шувалов-Лапиц.

Советская власть и народы востока.

же скоро два года, как наша Красная Советская Россия является путеводным маяком для пробуждающихся народов Востока.

Когда-то могучие народы, имевшие древнюю государственность, народы Персия, Индии, Китая, Мон-

голии, Кореи и т. д., ныне уже давно порабощены хищническим европейским и американским капиталом и задыхаются под гнетом непомерной эксплуатации.

В поисках за выгодными рынками иностраный капитал при помощи пушек забрался внутрь этих стран и теперь по кускам разрывает и растаскивает их достояние. Взрывы негодования порабощенных народов Востока заливаются их кровью.

Русское самодержавие тоже не упускало случая принять участия в грабительских предприятиях и походах европейского капитала на Восток, чем вызывало вполне заслуженную ненависть к себе со стороны угнетаемых народов.

Но вот пришла русская революция. Пал русский царизм, и свободнее вздохнули народы Востока. Рабочие и крестьяне, взявшие в свои руки власть, перед лицом всего мира сказали свое слово осуждения разбойничьим захватам чужих земель русским самодержавием и протянули руку восточным народам для братского союза.

Горящее сердце русских рабочих зажгло пожар мировой революции. Пожар пылает, разбрасывая вокруг себя искры, которые, падая в горючую массу накопившегося недовольства народов, зажигают пламя революции на Востоке так же, как и на Западе.

В огне революционного пожара пылает веками порабощенная англичанами Индия; роет революционное движение в Египте, Персии и Афганистане.

Большой, 400-миллионный Китай уже давно начавший революцию, сейчас, под влиянием примера России, продолжает свою революционную борьбу, ставя себе задачей освобождение трудящихся масс.

Угнетенная и порабощенная страна Утреннего Спокойствия—Корея все время пытается сбросить иго японского империализма; среди монголов и тибетцев идет глухая борьба за создание независимого Монголо-Тибетского государства.

В империалистической Японии уже родился и вырос пролетариат и сейчас он все больше и больше заявляет о себе и о своих правах быть могильщиком отжившего свой век старого мира.

Проснулись народы Востока, пробужденные русской рабоче-крестьянской революцией. Смотрят они с удивлением на то, что делает русский рабочий, и сами пытаются у себя повторить его уроки.

Власть Советов—власть трудящихся. Это понятно народам Востока, и сейчас где и формы русской рабоче-крестьянской революции претворяются ими в дело. До нас часто доходят сведения о том, что в Индии, в Китае, в Корее, и других восточных странах, где вспыхивает революционное движение, сейчас же создаются Советы рабочей бедноты. Все революционное движение народов Востока идет по путям борьбы за раскрепощение трудящейся бедноты.

Просыпаются народы Востока. Начинают борьбу со своими угнетателями, выкидывают красные знамена труда и строят под ними свои ряды.

И все чаще раздаются на Востоке лозунги европейских рабочих: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Трудящиеся стран Востока вместе с рабочими Запада идут на помощь Советской России, и каждый шаг их приближения ускоряет грядущую победу угнетенных и обездоленных всего мира над угнетателями.

Советская Россия—маяк для трудящейся бедноты народов Востока.

Вл. Сибиряков.

Бережи Советскую!

Четыре власти.

арская власть. Сперва царь правил самодержавно.

Власть его была ничем не ограничена. А его министрами, губернаторами, советниками были дворяне-помещики. Весь порядок в государстве был такой, что шел на пользу только дворянам да помещикам. Крестьян порол розгами и драли с них выкупные платежи, рабочих за забастовку и за требования лучшей платы сажали в кутузку, интеллигентам и ученым людям затыкали рты.

Такой порядок никому не нравился, кроме помещиков. Настал 1905 год. Забастовали рабочие, забастовали студенты, забастовали даже некоторые чиновники, прокатилась волна крестьянских восстаний, и царь пошел на уступку: издал манифест, что будет править вместе с народными представителями. Появилась новая власть:

2. Власть царя и Государств. Думы. Сперва в Думу прошло много рабочих и крестьянских избранников: социалистов. Это царю было не по душе. Разогнал 1-ю Думу, 2-ю Думу, изменил порядок выборов, и стала Дума — властью помещиков и фабрикантов. Царь с помещиком-Родзянко и заводчиком-Гучковым стали править Россией. Правили по старому: крестьян порол, рабочих сажали в кутузку, всякое свободное слово душили.

Затеяли войну. Воевали три года.

Наконец настал 1917 год. Взбунтовались солдаты, забастовали рабочие, запылали дворянские усадьбы; царя прогнали. Появилась новая власть:

3. Власть Временного Правительства. В правительство вошли члены Думы: председатель — помещик кн. Львов, заводчик Гучков, кадет Милюков, допустили и трудовика Керенского. Керенский хотел соединить в одном коалиционном правительстве волка с ягненок: рабочего с капиталистом, крестьянина с помещиком, офицера с солдатом. Но не удовлетворил никого, — капиталисты были недовольны побряжками рабочим, рабочие хотели не побряжек, а изъятия фабрик и заводов из рук капиталистов: помещики были недовольны тем, что Врем. Прав. сулит землю крестьянам, а крестьяне были недовольны посулами, им была нужна земля, а не посулы.

Офицеры были недовольны тем, что отменили мордобой, а солдаты были недовольны тем, что их гонят везвать за барыши капиталистов.

Произошла Октябрьская Революция. Власть Временного Правительства лопнула, как мыльный пузырь, и создалась новая, крепкая

4 Советская власть. 25-го октября/7-го ноября нов. стиля/1917 года Всероссийский съезд рабочих объявил Россию Социалистической Республикой, и вся власть перешла в руки Рабочих и Крестьянских Советов.

Советская власть — власть рабочих и крестьян.

Она прекратила войну за барыши иностранных банкиров.

Она распустила старую армию.

Она сняла золотые погоны с офицеров.

Она начала строить Красную Армию из рабочих и крестьян, с красными командирами во главе.

Она отняла у помещиков землю и передала ее крестьянам.

Она отняла фабрики и заводы у капиталистов и сделала их достоянием народа.

Она заботится о правильной оплате труда рабочих.

Она провозгласила: „Не трудящийся — да не ест“.

Она передала все управление страной в руки рабочих и крестьян.

Она не допускает к управлению никого из тех, кто живет нетрудовым доходом.

Она ввела единую трудовую школу, чтобы все граждане одинаково пользовались светом знания.

Она ввела бесплатное питание детей во всех столицах.

Она создает курсы для рабочих и крестьян, где они учатся работать, где они учатся управлять государством.

Она поставила на гербе Российской Республики, вместо хищного двуглавого орла, знак мирного труда: венки из колосьев с серпом крестьянина и молотом рабочего.

Она с оружием в руках отстаивает волю русского рабочего и крестьянина от разных коршунов — старых царских генералов: Колчаков, Деникиных, Юденичей и др.

Она стала путеводной звездой для трудящихся всех стран.

Она утвердит братство народов, мирный труд и полное обеспечение трудящегося.

Она сблизит крестьянина и рабочего и сделает их хозяевами над всей страной.

Она победит во всем мире!

Семен Гарин.

Внешний фронт.

Красная армия сражается на огромном фронте, который имеет вид кольца. Часть его проходит внутри России, часть идет по западным окраинам, вдоль границ вновь образовавшихся не-

больших государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. Внутри России на нас нападают белогвардейские войска бывших царских генералов, которые хотят возвращения старых порядков: царя, помещиков, власти капиталистов и буржуазии. На том фронте, который идет вдоль границ с соседними государствами, на нас нападают белогвардейские войска этих государств. Их намерение — оттеснить Красную армию подальше от своих границ, чтобы не допустить соединения своих рабочих и крестьян с нами. Кроме того, буржуазия тех государств стремится урвать у нас часть наших земель, чтобы обогатиться на наш счет.

Тот фронт, на котором придется бороться со своими домашними врагами, называется внутренним фронтом, в противоположность тому, где нападают иностранцы и который называется внешним.

Внутренний фронт распадается на отдельные фронты: северный, восточный, южный. Здесь с нами сражаются архангельские белогвардейцы, поддерживаемые англичанами и американцами, Колчак и Деникин.

Внешний фронт тянется от Онежского озера до Черного моря. Кроме упомянутых выше иностранных белогвардейцев, здесь на нас нападают еще и русские белогвардейцы, купленные на иностранные деньги, немцы и Петлюра. О нем речь впереди.

Для нас очень важно победить белогвардейцев на внутреннем фронте, но нельзя нам безразлично относиться и к внешнему фронту.

Он очень важен уже потому, что здесь хозяином остается все та же рука, которая посылает на нас Колчака и Деникина. Видя, что дела их портятся, эта рука подает им помощь на внешнем фронте: она пытается задушить связанные с нами тесным союзом молодые Советские республики — Белоруссию и Литву.

Отсюда же грозит опасность Украинской Советской республике.

Наконец, буржуазные правительства наших новых соседей соятся, что нашей революции станут подражать их рабочие и крестьяне, что Красная армия пойдет им на помощь. И они стараются подальше оттеснить нас от границы, удалить, как они говорят, опасность большевистской заразы.

По этим причинам и идет война на внешнем фронте.

На границе Финляндии все время идут стычки. Здесь белогвардейцы забрались даже в нашу Олонецкую губернию и дошли до Петрозаводска, что у Онежского озера. Но натиском Красной армии, при содействии крестьян, белогвардейцы вытеснены из многих населенных мест и отгоняются в настоящее время к своим границам.

Ожесточенная борьба несколько раз вспыхивала у Питера. Здесь действуют русские белогвардейцы под

командой полковника Родзянко, финны и эстонцы. Их задача — ворваться в Питер, а если не удастся, то во всяком случае тревожить нас в этих местах, чтобы Красной армии пришлось держать у Питера часть своих сил, вместо того, чтобы направить их на другие фронты.

Были минуты, когда, казалось, уже Питер пропал. Неприятелю удалось сговориться с нашими белогвардейцами и без боя получить укрепление „Красная Горка“, расположен-

У костра.

ное на берегу Финского залива. Это укрепление имеет то значение, что прикрывает собой дорогу в Питер по берегу Финского залива прямо из Нарвы. Оно было сдано неприятелю, и дорога оказалась открытой. Но бешеным натиском матросов и рабочих Красная Горка отбита, снова работает против неприятеля. Защитники Питера отбросили неприятеля больше чем на сто верст, взяли Ямбург и наступают на Нарву. Красная армия здесь достаточно сильна, чтобы не допустить неприятеля слишком далеко к нам. Но надо иметь в виду, что мы не можем быть одинаково сильными всюду. Надо выбирать, что для нас важнее. И, конечно, нам важнее сохранить главные силы на юге и бить неприятеля там, потому что там—продовольствие и все, что надо для наших фабрик.

Важные для нас места на внешнем фронте начинаются от Двинска и идут дальше к югу на Украину.

Здесь-то и наступают, главным образом, враги, нападающие на внешнем фронте.

Они ставят себе целью овладение Двинском, потому что это дало бы им возможность держаться на реке Двине, хотят захватить Белоруссию, Воынь, Подолью и, быть может, даже и Киев.

Здесь против нас наступают польские и литовские белогвардейцы. Тут же примазался Петлюра.

Это—проходимец, задумавший основать самостоятельное государство Украину под своим управлением. Он уже царствовал в Киеве, но был изгнан оттуда. Теперь, пользуясь тем, что на внешнем фронте на нас нападают и на южном идет Деникин, он хочет втиснуться между ними и захватить Киев. Добыл он и войска: хитростью и обманом уверил некоторых крестьян, что создаст для них свободную страну. К нему же пристроились и белогвардейцы, которые рассчитывают вместе с Петлюрой взять Киев, а потом и Петлюре по шапке дать.

Все эти враги наступают на нас.

Силы неприятеля—значительные, но действуют несогласованно, потому что наши враги не ладят между собой, ссорятся из-за границ, даже иногда дело у них до драки доходит.

Красная армия должна стремиться, по возможности, задержать неприятеля, чтобы он не помешал нам вести борьбу на внутреннем фронте.

А если мы справимся с врагами здесь, то на внешнем фронте это уже будет нетрудно.

Баратов.

От Урала.

(Солд. песня).

От Урала до Дуная—
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.

Веют красные знамена,
Как лесной пожар;
Отражать идут колонны
Вражеский удар.

Ярко блещет острый, длинный
Пролетарский штык,
И железною лавиной
Мчится броневик.

Берегись, кулак богатый,
Нас победы ждут,—

Красной армии солдаты
С песней в бой идут.

Умереть мы все готовы
За рабочий флаг.
Где Деникины, Красновы?..
Берегись, Колчак!..

Нет преграды нашим силам,
Наступил наш час
Ни кулак, ни поп с кадиллом
Не удержат нас...

Ведь, неудачом, побеждая,
Двигается вперед,
От Урала до Дуная,
Трудовой народ..

П Зуев.

**БЕРЕГИ ЖУРНАЛ!
ПРОЧИТАЛ-ПЕРЕДАЙ
ДРУГОМУ.**

Работа по обеспечению семей красноармейцев.

Призывая все новые и новые силы трудящегося населения в ряды красной армии и возлагая на них защиту социалистического отечества, ра-

боче-крестьянское правительство, в свою очередь, помимо всех льгот и преимуществ, которые оно предоставляет самим мобилизованным и добровольцам - красноармейцам, берет на себя все заботы об обеспечении их семейств.

Оторванных от своих семей хлебопашцев не должна тревожить участь их брошенных хозяйств. Признавая заботу об обсеменении полей борющихся за рабоче-крестьянское отечество красноармейцев делом республики, рабоче-крестьянское правительство возлагает на местные земотделы и сельские советы принятие всех мер для оказания помощи семьям красноармейцев в деле запашки и обсеменения полей. Семьям крестьян - красноармейцев производится выдача ссуд на поддержание их хозяйств, на наем рабочих рук, на приобретение семян, живого и мертвого инвентаря. Особенно нуждающимся семьям выдаются безвозвратные пособия.

Такой же заботливостью окружает рабоче-крестьянское правительство семейства горожан-красноармейцев, принужденных бросить свои семьи в тяжелых условиях скученности городов, в условиях тяжелого продовольственного кризиса. Они освобождаются от

взноса квартирной платы, все их жилищные нужды удовлетворяются в первую очередь, им обеспечено получение топлива, освещения, особенно нуждающимся выдается пособие натурой—бельем, платьем, обувью. Их дети принимаются в первую очередь в дневные убежища, интернаты, колонии, школы. Им обеспечивается внеочередное прикрепление к столовым и продовольственным лавкам. Нетрудоспособные члены семьи пользуются бесплатными обедами. Попрежнему получают свою долю ненормированных продуктов из заводских закупочных комиссий семьи мобилизованных красноармейцев. Все семьи красноармейцев переводятся в первую категорию. Им гарантирована неприкосновенность их жилищ. Они не подлежат уплотнению и выселению. Их вещи свободны от реквизиции.

Семьи убитых имеют право на получение пенсии, далеко превосходящей денежный паек.

Особенными льготами пользуются добровольцы. Семьям добровольцев-земледельцев дается ежемесячное пособие на поддержание их хозяйств в размере 200 р. с порайонной надбавкой. Семьям добровольцев из служащих и рабочих предоставляется право получения со своего предприятия разницы между средним заработком и красноармейским окладом.

Заботы рабоче-крестьянского правительства простираются и на семьи дезертиров, добровольно вернувшихся в данный им льготный срок,—их семьям, со дня явки дезертира, возвращаются все виды пособий, которых они были лишены.

Поистине отеческой заботливостью окружает рабоче-крестьянское правительство семьи красноармейцев,—и не в этой ли спокойной уверенности в судьбе оставшихся близких, родных и кроется та самоотверженная храбрость нашей армии, которая, несмотря на все трудности создавшихся условий, твердо идет к окончательной победе над врагом?!

Поют „Интернационал“.

СТИХИ И РАССКАЗЫ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

На смерть комиссара

стр. кр. полка тов. Волкова.

Устало сердце, повисли руки,
Глаза закрылись, настал покой...
Но, нет!.. Он слышит сирены звуки,
Гудков призывы, набатов бой...
Он с нами вместе, на красном поле,
В бою кровавом еще живет...
Еще мы слышим его призывы,
Подобно буре вперед зовет.

И. В. Шувалов.

Картинки боевой жизни на Западном фронте.

очь. На востоке еле стала заниматься заря, и все спит сладким предутренним сном.

Тихо-тихо кругом. Только в деревушке изредка перекликаются петухи, да неугомонные лягушки надоедливо

квакают в болоте. Сонно залаяла собака, откликнулась другая, и снова тихо. С речки, на берегу которой в высокой, густой траве мы втроем с товарищем лежим в секрете, подымается густой туман, мешающий видеть, что происходит на противоположном берегу. В стороне, по направлению к мосту, слышится топот нескольких десятков ног и оживленный говор. Слышится окрик часового, стоящего на мосту:

„Стой, кто идет?“, — и топот и голоса уже на мосту. Возвращается наша разведка.

Заря разгорается. За деревушкой, стоящей по ту сторону реки саженьях в пятидесяти от берега, раздался выстрел, другой, третий, и тишина утра нарушилась ружейной трескотней. Через несколько минут в самой деревушке послышался какой-то неясный гам, из которого можно было разобрать отдельные выкрики и ругательства на польском языке. В это же время на мосту стали показываться красноармейцы группами и в одиночку, которые по кладкам, намощенным из длинных жердей, перебирались через речку и залегали в тут же проходящие окопы. В виду того,

что та деревушка была окружена с двух сторон лесом, а с третьей — высокой рожью, и представляла из себя невыгодную позицию, белым польским легионерам удалось незаметно подойти почти вплотную. Часовые успели известить остальных товарищей об угрожающей им опасности, и все товарищи успели благополучно выбраться, кроме двух конных разведчиков, не успевших оседлать лошадей. Перестрелка, на время утихшая, разгорелась с новой силой. Белые начали было показываться кучками, но каждый раз их встречал дружный залп, и они благоразумно предпочитали отстреливаться лежа. Вдруг за пригорками, по направлению к мосту, послышался конский топот и крика:

„Стой, пся крив!“

Через минуту мы увидели двух красноармейцев-пулеметчиков второй роты, которые бежали, таща за собой пулемет. За ними во весь опор, обнажив шашки наголо, гналось человек десят польских улан. Вот они уже настигают их... все ближе и ближе... Один из пулеметчиков оглянулся назад и с бессильным криком упал. Другой продолжает тащить. Один улан, опередивший других, уже совсем настиг его... вот он уже заносит шашку над головой несчастного... Раздался залп, и несколько зарвавшихся вперед всадников упало. Лошади шарахнулись в сторону, смяли остальных. Еще несколько залпов, и лошади также быстро понеслись назад, как и мчались сюда, но уже без всадников. Спасенные во-время подоспевшей нашей роты, пулеметчики стоят, растерянно оглядываясь, точно еще не веря своему спасению. Между тем белые, занятые частью грабежом,

частью отвлекаемые перестрелкой, не заметили, как наша рота, скрываясь за пригорком, зашла им в тыл. Только тогда они поняли, в какую попали западню, когда в тылу у них загорело несколько пулеметов, и послышалась команда нашего любимого героя — полкового командира.

„Цепь вперед!“

О сопротивлении не могло быть речи.

„Ясновельможные паны“ побросали все, не успели даже захватить подвод с награбленным крестьянским добром, в которых оказалось все, начиная с мешков с мукой и кончая женскими юбками. Нам досталось три пулемета и 25 пленных.

Через несколько времени приезжает наш командир. Пуля белого легионера пробила ему плечо, но он, наскоро перевязав рану, все время был впереди. К нему подводят нескольких пленных. Один из них, веселый парень, рассказывает, что их привел сюда „его благородие“, молоденький поручик, которому за взятие этой деревушки были обещаны полковничьи эполеты. Бедняжка, так и не удалось ему увидеть себя в блестящем полковничьем мундире с эполетами: — через несколько часов его нашли лежащим во рву с простреленной головой.

Добровольец И. Голянков.

Как коммунисты в деревне сено косили.

ездный партийный комитет на заседании 16-го июля постановил привлечь тов. коммунистов местной организации к трудовой повинности, в помощь семьям красноармейцев, для покоса и уборки сена.

Постановление было вынесено на обсуждение общего собрания. Несмотря на возражения: „У нас нет кос“, „есть много не умеющих косить и убирать сено“, „мы завалены по горло работой“ и, наконец, „это — не партийная работа, в жизнь это не провести, все останется на бумаге“, — большинством все же постановление было принято. Намечено было пойти в село Федоровское, в 5 ти верстах от Нерехты, к бедной семье красноармейца, предупредив заранее одного из товарищей федоровской организации, чтобы он позаботился о косах. Покос был назначен на воскресенье, 20-го июля; так как крестьяне праздничные дни не работают, то косы должны быть свободны.

Когда товарищ объявил населению, что придут 10 человек коммунистов косить красноармейцу Майорову траву, и что им нужны косы, поднялся крик, шум, пришли поп и дякон, решено было кос не давать. Товарищ предложил всем подписаться под этим постановлением, стараясь все же убедить помочь семье красноармейца. Попу стало стыдно, он заявил: „Я косу дам, только не понесу ее, пущай приходит кому надо“. Сход быстро растаял, и протокол остался не подписанным.

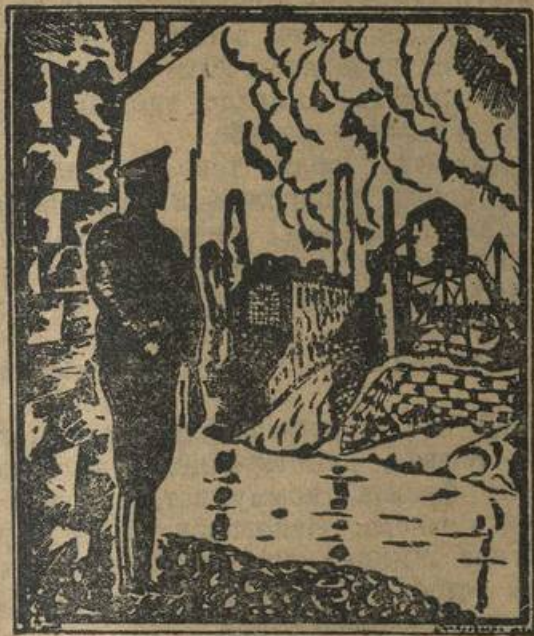
Этим дело не кончилось, кулаки не успокоились, зная, что коммунисты кос достанут

и покос скосят. Они повели такую агитацию перед женой красноармейца: „Коммунистов надо накормить, а у тебя нет хлеба, кроме того, им нужно заплатить“. — „А мне сказали, что бесплатно скосят“. — „Не верь, они всегда обманывают, — уж если не возьмут деньги с тебя, так обложат всю деревню или же увезут накопленное сено“. Женщина поддалась на агитацию и, когда мы пришли в количестве пяти человек, заявила, что пользоваться нашим трудом не желает. Мы стали добиваться: „Почему? Ведь, мы пришли помочь!“ Она долго не хотела сказать причину, боясь толпы женщин, в течение пяти минут собравшихся к дому, где мы беседовали с женой красноармейца. Собрались также и мужчины, но к нам не подходили и смотрели на нас, как чорт на ладан. Мы все же добивались, в чем дело, и, наконец, получили в ответ: „У меня нет хлеба, нечем вас кормить и нет денег платить, а если вы возьмете с деревни, то мне не будет никакого житья, лучше уж я скошу одна“. Нам удалось ее убедить, — через некоторое время она дала косы и повела нас на покос, версты за полторы от деревни. Гроза помешала нам, и часть участка осталась нескошенной. Когда мы пришли сдавать косы, она нас не отпустила в Нерехту, а потащила за рукав в ее дом — попить чаю с хлебом и молоком. — „Да у тебя нет хлеба, ты только что говорила, когда мы пришли косить“. — „Голубчики, я боялась, вот почему и говорила“. Мы зашли, выпили чаю, закусили и заплатили ей за все. Долго она не брала деньги, но, наконец, взяла и сказала: „Теперь никому не поверю, что большевики — грабители, такие и сякие. Большевики — это самый хороший народ“. Просила нас прийти на другой день, если можно, докосить покос.

Товарищи, кажется, ясно. Доказывать не приходится.

Красный

Перед боем.

Бледнее ночь... Прощальная зарница
 Пожаром вспыхнула в родных моих полях...
 Товарищ спит, винтовку сжав в руках;
 Я—часовой; я не могу забыться...

Но чуток сон... С рассветом бой... Ни звука...
 Окопы замерли... От вражеских полков
 Неясный гул, обрывки смутных слов
 Доносит ночь растерянно до слуха...

Лампады—звезды, бледно голубые,
 Сияньем меркнувшим ласкают тихо взгляд...
 Для многих сон, последний сон хранят...
 Недвижные в „секрете“ часовые...

И, как дитя со сна улыбкою алая,
 Взошла заря вдали над полем роковым...
 И выстрелом тревожно вестовым
 Привет заре послала батарея...

С. Обрадович.

1. Как умирают коммунисты.

Партия большевиков-коммунистов указала народу путь Советской власти. Она первая провозгласила: земля—крестьянству, фабрики и заводы—трудовому народу, власть—рабоче-крестьянским Советам.

Партия коммунистов стояла на страже рабоче-крестьянских завоеваний. Она учила народ, как освободиться от власти помещиков, кулаков, капиталистов и золотопогонных офицеров.

Но коммунисты не только учителя народа
 Они—его вожди.

Они—самые сильные, самые сознательные,
 и самые доблестные борцы среди крестьян и рабочих.

Сотни и тысячи их погубило в бою от вражеской пули, другие повешены и расстреляны палачами—белогвардейцами.

Но все они умерли с верой в победу рабоче-крестьянского дела.

Вот как умер товарищ Максимовский, комиссар 3-го батальона N-ского полка (Северн. фронт), 6. член Московского Сов. Р. и Кр. Депутатов.

С группой красноармейцев из 7-ой роты попал в предательскую засаду, устроенную несколькими изменниками из наших рядов. Товарищи красноармейцы не выдавали его звания, но изменники Перекатов и Вейнберг, два бывших золотопогонника, указали, что тов. Максимовский был членом Московского Совета и комиссаром, и палачи поволокли его на виселицу.

Нескольким красноармейцам, присутствовавшем при казни, удалось потом вырваться из плена. С глубоким волнением передают они его последние слова: „Меня вы вешайте, но коммуны не повесите“.

Сознательно пошел на смерть, не желая сходить с своего поста, тов. Зенькович. Это произошло 3-го августа 1919 года; неприятель усиленно бомбандировал ст. „Исако-

горку“ (около Архангельска). Станция эвакуировалась, все ценное было вывезено, подвижной состав оттянут. С последним поездом должны были отбыть последние защитники станции. С его отходом исчезла всякая надежда выбраться из кольца смерти. Несмотря на все просьбы друзей уехать с этим поездом тов. Зенькович отказался: „Я должен поговорить по прямому проводу с тов. Троцким, нам нужна помощь из центра“.

Поезд трогается, тов. Зенькович остается на своем посту. В скором времени на станцию нахлынули банды белых, и честный коммунист, тов. Зенькович был зверски изрублен возле аппарата, на котором работал.

Пусть его подвиг послужит нам примером, а его гибель—призывом к мести.

Так же мужественно умер на своем посту (на Восточном фронте) старшина 6-ой роты . . . полка, он же—секретарь коммунистической ячейки, тов. Анемподистов.

Его смерть походила на его жизнь. Стерлитамакский рабочий, он был всегда вождем рабочего движения; пролетарии Уфы и Стерлитамака видели в нем всегда стойкого защитника своих интересов. Его пламенное слово будило спящих, вливало энергию в мягкотелых, и звало к борьбе.

В бою 6-го июля тов. Анемподистов 18 часов подряд поддерживал дух своих товарищей примером личной храбрости и бодрящими словами товарищеского призыва.

Вражеская пуля прекратила его славное существование

Его сотоварищи следуют его заветам.

Такой же героической смертью погиб на бронепоезде, действующем на Псковском участке фронта, коммунист, рабочий Путиловского завода, Запелалов, член партии с 1912 года. Умирая, он призывал своих товарищей стойко бороться за осуществление коммунистического строя

Т. Сорокину. У Вас, повидимому, есть способности. Но над поэтическими произведениями следует много работать и сглаживать все шероховатости. В Вашем стихотворении „Красное сердце“ этого сделано не было.

„Очаг Революции“ пришлите.

Т. Степановой. В Ваших стихотворениях и рассказе много чувства, но не хватает умения. Вам надо учиться писать.

Вы спрашиваете: почему в деревнях скрываются дезертиры? Почему они не хотят воевать за символ красной звезды? Почему именно дезертирует крестьянин, а не рабочий? И почему гуляют свободно буржуи и ведут пропаганду за Колчака?

Ответ редакции. Крестьянин дезертирует потому, что он темен и не понимает, что власть Колчака означает для него лишение земли, отнятой у помещиков. Он не понимает, что власть Колчака—власть помещика. Надо его просветить, и тогда он так же стойко, как и рабочий, будет стоять за Советскую Россию.

Что касается буржуев, то каждый истинный гражданин республики должен следить за тем, что бы они были лишены возможности вести контр-революционную пропаганду. Не надо ждать особых мер со стороны властей,

а самому указывать властям на всех бездельников, замышляющих новое рабство для русского народа. Врагам народа не должно быть пощады.

Т.т. Веселовскому и Лобанову. Не подходит.

Тов. Бор. Соколову. Вы жалуетесь, товарищ, что к вам очень плохо попадают письма и газеты. Вы пишете, что красноармейцы не имеют вестей из дому и газет из центра, чувствуют себя забытыми, и это понижает их боевое настроение. Товарищ, не следует поддаваться этому настроению. Вся Советская Россия с глубоким волнением следит за жизнью своих борцов на фронте.

Почта приходит несвоевременно потому, что воинские части в походе часто опаздывают с припиской к почтово-телеграфным учреждениям. Народный комиссариат почт и телеграфа предложил всем почтовым учреждениям своевременно обслуживать Красную армию. Революционный Военный Совет Республики с своей стороны обратил внимание всех военных учреждений на необходимость организовать аккуратную доставку почты для товарищей красноармейцев, отстаивающих на фронте рабоче-крестьянскую Советскую Россию.

Как не стало генерала.

В Москве был снят памятник „белому генералу“ и на его месте воздвигнут памятник Свободе.

Сказка.

I.

В неизвестном темном царстве,
В православном государстве,
Как всегда водилось встарь,
Правил грозно старый царь.

На царя и дни и ночи
Силы тратил люд рабочий,
Все работал что есть сил,
Чтобы царь безбедно жил...

Но крамолы царь боится:—
Ночь придет—ему не спится,
Днем насупившись молчит
И теряет аппетит.

Как-то утром два министра,
Расхрабрясь, шепнули быстро:
„Царь, не стоит горевать,
Мудреца вели позвать.“

Он на гуще погадает,
И по звездам разузнает,
И сумеет указать,
Как на бедных страх нагнать.“

Царь надеждой окрылился,
Закричал, заторопился
И тотчас же шлет гонца,
Чтоб позвали мудреца...

II.

Вот пришел мудрец в палаты,
Царь его дарит богато:
„Только дай ты мне совет,—
Как избавиться от бед?..“

Мудрецу подарки любы...
Важно оттопырил губы
И, подумав час-другой,
Дал царю ответ такой:—

„Царь! Опасность есть в народе,
Как грачи на огороде.

Голодают бедняки,
Голодают и полки.

Чтоб дела твои поправить,
Нужно пугало поставить,
И падут от страха ниц
Стаи обнаглевших птиц...“

Царь подумал:—„Ай, да, ловко!..
У тебя знать есть сноровка,
Ведь, какую штуку в миг
Ты придумать смог, старик!..“

Повести его в палаты,
Наградить его богато,
И с сегодняшнего дня
Ты на службе у меня...“

III.

Не прошло еще недели.
Как наш царь и в самом деле
Из различных городов
Вызвал лучших мастеров.

Преі дворцом их всех собрали,
Под конвоем продержали,
(Приказал, мол, царь стеречь)
А министр сказал им речь...

„Так и так,—наш царь мсгучий,
Чтобы править царством лучше
Приказал вам, мастера,
Посреди сего двора

Приготовить из металла
Верхового генерала,
Чтоб был ростом он велик
И имел бы грозный лик“.

Мастера как услышали,
Так в затылках почесали,—
Ваше дело, мол, сказать,
Ну, а наше—исполнять.

И пошла кипеть работа,
(Видно есть им всем охота)
И закончили урок,
Отощав, в недельный срок.

IV.

Царь работою доволен,
При трезвоне колоколен
Он со всем своим двором
Смотрит памятник кругом.

Вышел памятник на диво
Все и грозно и красиво;
И глаза, и сабли взмах,
Все внушает робким страх.

А министр царю в угоду
Начал речь держать к народу,—
„Так и так,—гляди, робя,
Царь, спокойствие любя,

Приказал вам на науку
Приготовить эту штуку
Для утехи верных слуг,—
Вам—холопам на испуг...

И, чтоб знали вы при этом,
Это пугало—с секретом,
Чуть крамолить кто начнет,
Кнопку тотчас царь нажмет.

И, опасность в миг почуя,
Оживет тотчас статуя,
И, покинув твердый грунт,
Усмирит в минуту бунт.“

V.

Услыхав слова министра,
Во свояси двинул быстро
Испугавшийся народ,—
Генерал, гляди,—прибьет.

И с тех пор в далеком царстве,
В православном государстве
Для царя, как рай земной,
Полный наступил покой...

Сила страха всех сковала,
Все глядят на генерала;
Даже снится всем во сне
Черный идол на коне...

А царю того лишь нздо;—
Мудрецу идут награды,
Богатей без хлопот
Обирают, знай, народ.

Дремлет царь, попы жиреют,
Богачи не жнут, не сеют,
А кулацкий тот кагал
Охраняет генерал...

VI.

Так текли за годом годы...
Царской прихоти в угоду
(Так велела, знать, судьба)
Изнывает голытьба.

Нет конца слезам и вздохам,
Старики покрылись мохом,

Молодые жизнь клянут,
Кулаки с тоски грызут...

Жмет богач народ рабочий...
Наконец, не стало мочи:
— Братцы! Больше не втерпеж.
Выносить дневной грабеж...

„Эй! Вставай! Иди к нарогу
Всяк, кто рвется на свободу,—
На царей и на бояр
Мы обрушим свой удар!..“

И восстало войско белых,
Хмурых, сумрачных и бледных...
К солнцу! К свету! Цепь разбить
Умереть, иль победить!..

VII.

Задрожал в негодованьи
Царь, услыша про восстанье:
— „Где министры? Где мудрец?..
На лупает наш конец!..“

— „Бунтовать?—Да, как вы смели?
Что же это в самом деле?..
Я обиду не прошу,
Генерала напушу.“

Я вас!..—И, собрав монатки,
Царь удрал во все лопатки.
И народ вошел в дворец,—
Рабству наступил конец!..

Тут один промолвил: „—Братцы!..
Нам ли пугала бояться,—
Много горести нам дал
Этот черный генерал.“

Но теперь пора настала
Нам забыть про генерала:
К черту этот истукан!..
На задворки!.. Вон! В бурьян!..“

И народ, слегка натужась,
Снял с коня свой прежний „ужас“,
И унес к исходу дня
И „вояку“, и „коня“...

А чрез год на том же месте,
Где защитник царской чести
Черным идолом стоял,—
Новый памятник восстал,—

Новый памятник Свободы
Силой вольного народа
С светлой надписью „Совет“
Водружен на много лет!..

Заключение.

Вот и все!.. Не стоит, братцы,
Генералов нам бояться!..
Нам, покамест мы сильные,
Генералы не страшны!..

Петр Зуев.

РУССКИЕ ПЕСНИ В ЛИЦАХ

КОЛЧАК:—«Последний монешный денечек гуляю с вами я, друзья»

БЕЛОГВАРДЕЦ:—«Голова твоя удалая, долго-ль буду тебя я носить»

БУРЖУА:—«Бывали дни веселья»

КУЛАК—«Бродяга судьбу проклиная»

СПЕНУАНТ:—«Располним полна коробочка»

ТНП:—«Зачем ты безумная губишь того кто увлекся тобой»

Цена 5 руб.

ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖЕН ДОНЕЦКИЙ БАСЕЙН

УГОЛЬ И ЖЕЛЕЗО.

Когда будет Дон наш, начнут работать наши фабрики и заводы.

Когда будет у нас уголь, подвезут нам хлеб поезда и пароходы.

Донецкий бассейн должен быть наш! К победе красноармейцы!

Когда Донецкий бассейн будет наш, будет у нас железо и сельскохозяйственные орудия.

Когда будет уголь и железо, будут у нас хлеб ткани, обувь и всякие товары.

Вперед, за Донецкий бассейн!

Издатель:

Литер. Изд. Отд. Полит Управл. Реввоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Коллегия.

8-я типс-литография Полиграфического Отдела Моск. Гор. Сов. Нар. Хоз. Моск. Хвильовскийя. 26. Тел: 24-21 и 42-86.